

А.В. Антошин

Столица империи Мухаммада Али: Каир в описаниях русских путешественников 30–40-х гг. XIX в.

Традиция русских путешествий в Египет ведет свое начало с глубокой древности. Ведущие российские историки-арабисты М.А. Коростовцев, Г.В. Горячкин, В.В. Беляков и др. в своих произведениях показали, что отдельные русские паломники посещали Святые места Синая, описывали египетские пирамиды еще в Средние века¹. Однако, пожалуй, именно в XIX в., после знаменитой египетской экспедиции Наполеона, произошел всплеск интереса к египетским древностям, который затронул как Европу, так и Россию. Все большее число россиян оказывалось на улицах городов Египта. Путешественники, дипломаты, инженеры, они оставили немало интереснейших свидетельств того, какой была знаменитая империя Мухаммада Али, которого сами египтяне нередко называют основателем современной египетской государственности.

Бесспорно, особое внимание их привлекал Каир – столица страны. В то время этот город являлся самым большим в Египте: его население составляло около 260 тыс. человек. Уже первое впечатление от Каира зачастую было незабываемым. Восхищался открывшимся перед ним видом древнего города, например, А.Н. Муравьев – автор неоднократно переиздававшегося в 1830-е гг. «Путешествия ко Святым местам». Чиновник Святейшего Синода, работавший затем в Азиатском департаменте МИД, он был также известен своей близостью к московскому митрополиту Филарету. Среди его наиболее крупных работ, наряду с «Путешествием ко Святым местам», – «История российской церкви», «Сношения России с Востоком по делам церковным», «Письма с Востока в 1849–50 гг.». Когда этот человек увидел Каир, ему даже пришли на ум настолько неожиданные ассоциации, что он восторженно воскликнул: «Сердцу Русскому отраден очаровательный вид сей, напоминающий ему златоверхую Москву, числом колоколен едва ли затмевающую легкие минареты Каира, хотя она уступает ему красою картины, освященной здесь Нилом и пирамидами»².

Не менее яркое впечатление средневековая столица мусульманского мира произвела на Е.П. Ковалевского (1809/1811–1868) – выдающегося государственного и общественного деятеля, члена-корреспондента и почетного члена Петербургской Академии наук, знаменитого путешественника, востоковеда. Участник экспедиций в Черногорию, Среднюю Азию, Северо-Восточную Африку, Китай, он в 1856 г. возглавил Азиатский департамент МИД.

¹ См.: Коростовцев М.А. Становление египтологии в России // Изучение Африки в России. М., 1977. С. 5–15; Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008; Горячкин Г.В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. М., 2010 и др.

² Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. 1. СПб., 1835. С. 118.

Во второй половине 1840-х гг. Каир, по словам Е.П. Ковалевского, оставался «единственным типическим городом магометанского востока, не нынешнего востока, пресмыкающегося в невежестве или рабстве, но прежнего, времен его славы, времен калифов»³. Здесь, бесспорно, сказывалось знакомство Егора Петровича с той литературой, которая формировала в Европе XVIII–XIX вв. образ средневекового Востока. Сознание его помощника по египетско-суданской экспедиции 1840-х гг. Ивана Бородин – простого уральского золотых дел мастера, поднявшегося из низов горнозаводского населения Урала – было свободно от влияния этих произведений, романтизировавших арабский Восток. В своем интереснейшем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Свердловской области, он был далек от восторженных эмоций, когда описывал Каир эпохи Мухаммада Али: «На пути – женки, ребятишки бегущие за ними, кричат... От пристани до городу селения редко, дорога вымощена насыпью... Город расположен на склоне горы... Дома есть обширные, только небольшим искусством построены. Улицы чистые, но тесные, кривые, проезд на экипаже затруднителен. Ежели кто едет из чиновников, то всегда вперед двое пешеходов бегут с хлыстами, хлопают ими...». Неприятные воспоминания остались у уральского мастера от каирской детворы, склонной к попрошайничеству. Он отмечал, что ребятишки, всюду требующие «бакшиш», «до того надоедят», что хочется куда-нибудь скорее от них спрятаться. В общем, на уральского штейгера Каир произвел то же впечатление, которое обычно производит типичный город Востока на рядового представителя другой цивилизации.

Конечно же увидел Бородин «на самой окончательности горы» и дворец Мухаммада Али, который возводился, как отмечает современный британский исследователь Э. Битти, «по европейскому стилю»⁴. Интерьер дворца представлял собой смешение османского и французского стилей. Любопытно, но Иван Трофимович каким-то образом почувствовал этот синкретизм в архитектуре дворца, заметив: «Его почти нельзя назвать дворцом, скорее замком». Он заметил особенности архитектуры этого своеобразного сооружения: «В верхнем этаже окна только есть и то узенькие, нечистая штукатурка».

Недалеко от дворца он увидел, что строится «мечеть прекрасная, окладывается шлифованным мрамором»⁵. То была знаменитая мечеть Мухаммада Али, которая сейчас стала настоящим символом Каира. Начавшееся в 1824 г. строительство этого шедевра архитектуры продолжалось около 20 лет. Как отмечал Э. Битти, «Мухаммад Али хотел построить мечеть, которая превзошла бы все, возведенные ранее, и ему это удалось»⁶.

От дворца Мухаммада Али и мечети открывался замечательный вид на Каир и его окрестности, которым с удовольствием любовался уральский штейгер: «С сего места видно во все стороны расположенные города и Нил-реку с ее излучинами».

³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Том V. Путешествие во внутреннюю Африку (с картою и 17 рисунками). СПб., 1872. С. 24.

⁴ Битти Э. Каир. История города. СПб., 2007. С. 217.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 559. Л. 8.

⁶ Битти Э. Указ. соч. С. 213.

Запомнились уральцу не только те достопримечательности Каира, которые были приметами нового Египта, чье возведение было связано с деятельностью Мухаммада Али. Человек, занимавший промежуточное положение между миром русской интеллигенции и простыми рабочими, Бородин, конечно, что-то слышал и о Сфинксе (название которого он воспринял как «Свинкус»), и о знаменитых египетских пирамидах, которые, как поэтично заметил уральский штейгер, «высыли гордые свои верхи перед градом»⁷. Бесспорно, он не прочитал о них такое количество работ исследователей, как, например, начальник экспедиции Е.П. Ковалевский. И тем не менее заметно, что когда он упоминает об этих памятниках Древнего Египта, то понимает, какую важную часть исторического наследия этой цивилизации они составляют. Особенно хорошо все эти знаменитые достопримечательности Египта были видны с одной из скал, на которую взобрались русские путешественники. «Так видно, – изумлялся открывавшейся картиной Иван Трофимович, – как говорится, будто все поднесено, пирамиды на север..., они стоят на левом берегу Нила, между ними Свинкус, к востоку расположен Каир, далее цепь гор Аравийских заслоняет Библейское море, меньше ста верст от пирамид».

Большинство путешественников, увидев пирамиды, лишь поражаются их размерам и величию. Однако уральский мастер не ограничился этим, а скрупулезно выяснил все их основные технические характеристики. Он записал в своем дневнике, что первая пирамида имела 202 уступа (каждая ступень – от одного до полутора аршин вышины). Поэтому высота всей пирамиды, по его данным, составляла 110 сажен. Вторая пирамида была ниже – до 65 сажен вышины («в основание до 77 сажен»). Между этими пирамидами стоял «Свинкус» высотой в 13 сажен: «у его голова человеческая, туловище львиное»⁸.

Однако, конечно, чрезвычайно интересовали членов экспедиции Е.П. Ковалевского имевшиеся в Египте святыни православного мира. И здесь им повезло: им был выделен переводчик «Матей» – так называли арабы жившего в Каире русского человека. Что это был за человек, как он оказался в далекой арабской стране, Бородин не пишет. Но «Матей» показал им церковь, в которой, по легенде, Богородица укрывалась во время своего бегства в Египет⁹.

Увидели русские путешественники и повседневную жизнь Каира эпохи Мухаммада Али. За 20 дней, что была в Каире группа Е.П. Ковалевского, наверно, много необычного довелось заметить людям, приехавшим из далекой России. В памяти же остались лишь отдельные картинки, зарисовки быта египетских горожан середины XIX в.: «От квартиры нашей расположена площадь неправильная, т.е. продолговатые обведены две канавы, они обсажены деревьями, под которыми собираются люди – кто трубки покурит, иной лимонаду выпьет... Люди одежду носят разного манера, жены, которые закрывают даже и лицо, у женок подсинены глаза, губы, на руках разные узоры». Невдалеке

⁷ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 559. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 8 об.

располагался колодец «сорок сажень глубины», из которого воду поднимали быками. По всему городу Иван Трофимович и его спутники видели многочисленные сады «с разными фруктами»¹⁰. Все это, бесспорно, было очень необычно, так непохоже на знакомую ему с детства жизнь Златоуста, Миасса, других уральских городов той поры.

Как горных дел мастера, Ивана Трофимовича, конечно, особенно интересовали различные технические приспособления, устройства, которые использовали местные жители. Так, например, он довольно долго и внимательно наблюдал за тем, как функционировал в Каире колодец. «Быков, – описывал Бородин, – вниз сводят кругом колодца винтообразно, из колодца на проход сделаны окна для света, воду подымают горшками, прикрепленными к веревкам, посредством колеса, вода свежая и вкусная»¹¹. Такая техника для середины XIX в. выглядела несколько архаично, тем не менее, как обратил внимание уральский штейгер, функционально была вполне эффективной в тех условиях.

В Каире члены экспедиции Е.П. Ковалевского остановились в доме у Камиль-паши, зятя Мухаммада Али. В плане этот дом напоминал крест, в каждом углу которого находилось по одной-две комнаты, которые отличались одна от другой роскошью и внутренним убранством. Особенно поразил воображение золотых дел мастера сад в доме Камиль-паши. Он и его спутники часто проводили время в этом прекрасном саду: «Арки выстроены по саду, по которым вьются виноградные лозы с плодами. Прекрасно смотреть на плоды: лимоны, апельсины, бананы, виноград... Посреди сада устроен колодец, из которого подымают воду для поливки... Бассейн с фонтанами...»¹². Конечно, вся эта атмосфера восточной роскоши не могла не произвести впечатления на уральского штейгера, привыкшего к суровому быту Миасских золотых промыслов. У начальника Бородина самые положительные воспоминания остались от хозяина дома, который, по словам Е.П. Ковалевского, был из тех «турок чистой крови», которые, «по несчастью, нынче совсем переводятся». «Манеры его, исполненные благородства, достоинства, – вспоминал Егор Петрович, – внушали невольно к нему уважение: в лице было выражение кротости и покровительства; разговор цветист, вежлив, но без лести. Камиль-паша образован в восточном роде, т.е., кроме турецкого языка, знает прекрасно арабский и персидский»¹³.

Как русские путешественники проводили в Каире свой досуг, чем они занимались те три недели, что были там? «Нас, – вспоминал Е.П. Ковалевский, – собралось в то время человек семь русских... Утром ездили мы за город, осматривать или окаменелый лес, или пирамиды, или мечети; вечер проводили большей частью у нашего консула»¹⁴. Бородину, впервые побывавшему на Востоке, конечно же, увидеть его экзотические памятники было весьма любопытно.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 8 об.

¹² Там же.

¹³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского... С. 29.

¹⁴ Там же. С. 37. Консул Александр Максимович Фок находился на этом посту с 22 апреля 1844 г. по 18 декабря 1854 г.

Записки Бородина позволяют лучше понять и то, насколько разнообразным было сотрудничество между Российской империей и Египтом в эпоху Мухаммада Али. Россия была среди тех стран, чье присутствие в Египте, благодаря открытости политики Мухаммада Али, было достаточно ощутимым. Уральский золотых дел мастер упомянул, что он и его товарищи посетили «больницу, где наши фельдшала [фельдшеры – *Авт.*] проживают для изучения или узнания, от чего приходит чума»¹⁵. Действительно, Российская империя внесла некоторый вклад и в развитие системы здравоохранения в Египте в середине XIX в. Как отмечал посетивший Египет в 1840-е гг. А.А. Рафалович, именно «практическое изучение свойств и способа лечения чумы» в целом на Востоке и в Египте, в частности ввиду возрастания хаджа в Мекку и Медину через Египет было главной целью пребывания в стране русских медиков. Сам он полагал, что проблема распространения в Египте опасных болезней носила комплексный характер. Как и некоторые другие русские путешественники, А.А. Рафалович ставил проблему той цены, которую платил египетский народ за реформы Мухаммада Али: «Вернейшее средство к искоренению свойственных нильской долине эпидемических болезней, по моему убеждению, заключается именно в улучшении быта феллаха; пока не прекратятся угнетения, переносимые им от паши, все медико-полицейские меры александрийского интендантства к желанной цели не приведут!»¹⁶.

Любопытно, что как раз рядом с больницей, где работали русские фельдшеры, взорам русских путешественников открывалась картина того, какими методами Мухаммад Али строил свою империю. Ивану Бородину запомнилось, что для очистки площади перед больницей власти согнали множество «мальчиков» и «девушек». Уральский штейгер ничего не знал об этих людях, не имел представления о том, «из какого сословия» они происходили. Но то, как работали эти люди, врезалось в память Ивану Трофимовичу: «Они разделены на три отделения: первое накладывает в корзины землю, вторые стоят, поют песни, третьи бегут со своими накладными корзинами на место ссыпки, сколько есть силы бежать». При этом Бородин заметил, что каждого работающего постоянно «вшею подстегают» полицейские, но работники тем не менее «все поют, никто не плачет»¹⁷. Чувствуется, что и уральского золотых дел мастера, жившего в крепостной России, потрясла мощь государственной машины империи Востока.

На ту же самую проблему – высокую цену преобразований Мухаммада Али для египетского народа – обращал внимание и направленный в начале 1830-х гг. Николаем I на Ближний и Средний Восток для организации помощи Турции Н.Н. Муравьев-Карский. В своих записках он прямо полемизировал с теми европейцами, кто восторгался реформами Мухаммада Али. «Голод и крайняя нищета суть язвы повсеместные, – описывал он Египет начала 1830-х гг., – города в развалинах, деревни оставлены жителями, дома разорены – словом, народ, истомленный игом жесточайшего рабства, влачится, так сказать, чрез развалины к могилам...

¹⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 559. Л. 9 об.

¹⁶ Рафалович А.А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850. С. 378.

¹⁷ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 559. Л. 9 об.

Говорят о водворяющемся в Египте просвещении; но его там нет и до сих пор быть не могло, ибо оно есть следствие народного благосостояния, на которое Мегмед-Али никогда не обращал внимания, истощая все силы своих подданных для поддержания казенных заведений, несоразмерных с населением и богатством края»¹⁸. То, что делал Мухаммад Али в Египте, полагал Н.Н. Муравьев, делалось не для египетского народа, а для «удовлетворения собственным своим потребностям и прихотям». Российский дипломат подчеркивал, что египетский народ «удручен всеми бедствиями», которые обрушились на него благодаря деятельности Мухаммада Али, и совершенно не был готов к восприятию его реформ. Бесспорно, мнение Н.Н. Муравьева – это позиция человека отнюдь небеспристрастного, т.к. российское правительство направило его в этот район именно для того, чтобы помочь Турции избежать поражения в войне с Египтом. Тем не менее, для создания целостной картины ситуации в Египте эпохи Мухаммада Али необходимо учитывать и эту точку зрения.

Тем более что Н.Н. Муравьев-Карский был отнюдь не одинок. Аналогичные мысли приходили на ум и автору «Путешествия ко Святым местам». А.Н. Муравьеву представлялось, что Мухаммад Али действительно очень многое сделал для благоустройства Египта. Русский путешественник дивился «гению» преобразователя страны, который «так далеко опередил устройством внутренним соседние ему области. Разведение шелковичных и пальмовых дерев, хлопчатой бумаги и стольких других произрастений, дотоле мало известных Египту, многочисленные фабрики, магазины, училища, арсеналы – все носит отпечаток предприимчивой деятельности». Однако и он не мог не напомнить еще раз о цене всех этих реформ: «Уважаемый в Сирии, грозный в Аравии и покоренной Африке, Мегмет-Али высоко стоит между владыками Востока, и стал бы еще выше, если бы угнетенный трудами и налогами народ не стонал под игом жестокой монополии, обогащающей одну только казну Паши»¹⁹.

Таким образом, в произведениях русских путешественников рисовался весьма сложный образ столицы Египта в период правления Мухаммада Али. Столичное положение Каира, бесспорно, делало ситуацию в нем специфичной. Новые явления в жизни страны, принесенные реформами преобразователя Египта, здесь были заметнее, чем в провинции, на окраинах империи. Однако именно в Каире были еще острее и те социальные и культурные контрасты, которыми отличался Египет 30–40-х гг. XIX в. В столице особенно отчетливо была видна та цена, которую заплатил египетский народ за реформаторскую деятельность великого Мухаммада Али.

¹⁸ Муравьев (Карский) Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. Т. 1. Военное и политическое состояние. М., 1869. С. 27.

¹⁹ Путешествие ко Святым местам в 1830 году. С. 193.